

DOI 10.24412/1026-8804-2026-3-198-216

УДК 902.7(571.64)

На пути к «звериному стилю»: тигр и леопард в древней и средневековой истории народов Азиатско-Тихоокеанского региона

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: podmaskin@yandex.ru

В статье определяются особенности межэтнического взаимодействия в системе традиционных представлений о тигре и леопарде. Основное внимание уделяется выявлению общих и специфических элементов в истории культуры. Анализ направлений развития элементов первобытной культуры потребовал использования разнообразных методов исследования: сравнительно-исторического (установлены взаимовлияния культур), структурного (выделены основные категории и элементы культа данных животных в религии). Выявлены, описаны и введены в научный оборот неизвестные материалы и источники, содержащие сведения о тигре и леопарде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Впервые данные обобщены и изложены в наиболее полном виде. Образ тигра не только стал основой художественной формы, но и воспринимался в качестве покровителя, родоначальника, символа добра в духовной сфере человека. С именем этого хищника связаны названия рек, посёлков, улиц, растений, рыб, звёзд. В восточном календаре каждому году присваивается одно из 12 животных-покровителей: Крыса, Бык, Тигр, Кролик (Кот), Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Петух, Собака, Свинья. Годы Тигра — 1938, 1950, 1962, 1974, 1986, 1998, 2010, 2022 и т.д. В геральдике тигр красуется на гербах городов, краёв. В результате обосновывается мысль о том, что древние представления о хищниках стали фундаментом формирования религиозных воззрений и мифологии, возникновения тотемизма и шаманской практики.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, звериный стиль, тигр и леопард, культ хищников, календарь двенадцатилетнего животного цикла, шаманство, тотемизм.

Towards the “Animal Style”: The Tiger and the Leopard in the Ancient and Medieval History of the Peoples of the Asia-Pacific Region.

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

The paper defines the features of interethnic interaction in the system of traditional representations of the tiger and the leopard. The main focus is on identifying common and distinctive elements in the history of culture. The analysis of the directions of development of the elements of prehistoric culture required the use of various research methods: the comparative and historical method (cultural interactions were established) and the structural method (the main categories and elements of the cult of these animals in religion were identified). Unknown materials and sources containing information about the tiger and leopard among the indigenous peoples of Nizhny Amur and Sakhalin were identified, described and introduced into scientific discourse. For the first time, the data is summarized and presented in the most complete form. The image of the tiger became the basis not only of the artistic form, but was also perceived as a protector, an ancestor, and a symbol of benevolence in the spiritual sphere of human life. The names of rivers, towns, streets, plants, fish, and stars are associated with the name of this predator. In the Eastern calendar, each year is assigned one of the 12 patron animals: Rat, Bull, Tiger, Rabbit (Cat), Dragon, Snake, Horse, Sheep, Monkey, Rooster, Dog, and Pig. The Years of Tiger include 1938, 1950, 1962, 1974, 1986, 1998, 2010, 2022, and so on. In heraldry, the tiger appears on the coats of arms of cities and territories. As a result, the idea is substantiated that the ancient representations of predators became the foundation for the formation of religious beliefs and mythology, as well as the emergence of totemism and shamanic practice.

Keywords: Asia-Pacific region, animal style, tiger and leopard, cult of predators, calendar of the twelve-year animal cycle, shamanism, totemism.

Звериный стиль — условное общее название широко распространённых в искусстве древности стилизованных изображений отдельных животных, частей их тела или композиций из нескольких животных. Звериный стиль возник в бронзовом веке, получил развитие в железном веке и в искусстве раннеклассовых государств; традиции его сохранились в средневековом искусстве, в народном творчестве. Первоначально связанные с тотемизмом изображения священного зверя со временем превращались в условный мотив орнамента.

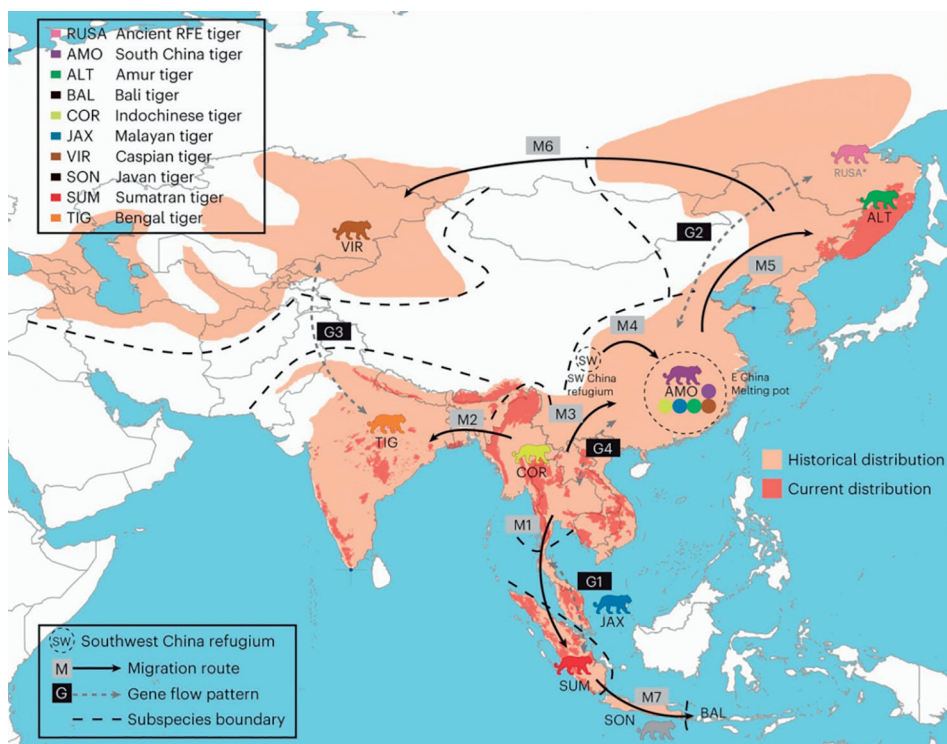

Рис. 1. Распространение культа тигра. *Источник:* [2]

С древних времён образы животного мира символизируют предков отдельных родов, народов и даже всего человечества. Представления ранних людей были предметны и конкретны. Они в единственной возможной для них тогда форме осознавали свою неразрывную, как бы родственную связь с непосредственным природным окружением [1, с. 77—421].

Культ тигра имел распространение по всему Китаю, а также на территории Юго-Восточной Азии, Монголии, Кореи, Маньчжурии и Приморья (рис. 1) [2]. Его образ, наравне с драконом, присутствует в китайском декоративно-прикладном искусстве, на алтарях божниц и кумирен. Китайцы верили, что изображение этого зверя — лучшее средство против демонов, поэтому на лбу у детей рисовали знак *вань*, который соответствовал узору на лбу этого хищника. Ребёнка, отмеченного таким знаком, демоны должны были принять за тигра и, испугавшись, обойти стороной [3, с. 132].

Китайцы полагали, что в этого зверя воплощается душа известного правителя или знатного человека. Тигр являлся источником зла и колдовства, но, кроме того, олицетворял мудрость старца. Подобные представления имелись и у корей-

цев: животное воспринималось ими как «святой горный дух», которому необходимо поклоняться. Во многих кумирнях помещали изображение старика с белыми бровями, бородой и жёлто-белым лицом; одной рукой он обнимал тигра, который, изогнувшись, смотрел ему в глаза. Считалось, что это его верховой зверь, на нём он объезжал свою территорию [4, с.182]. По воззрениям корейцев, тигр мог принимать образ женщины, исцеляющей больных и помогающей деньгами беднякам. Потом она снова превращалась в зверя и уходила в горы [ист. 1, с. 189—192].

Представление о человеке-тигре основано на вере в то, что некоторые хищники проявляют особую враждебность к людям. Поэтому человек превращается в тигра с целью отомстить врагам, захватить промысловых животных, отогнать болезни и т.д. (рис. 2) [5, с. 144—145].

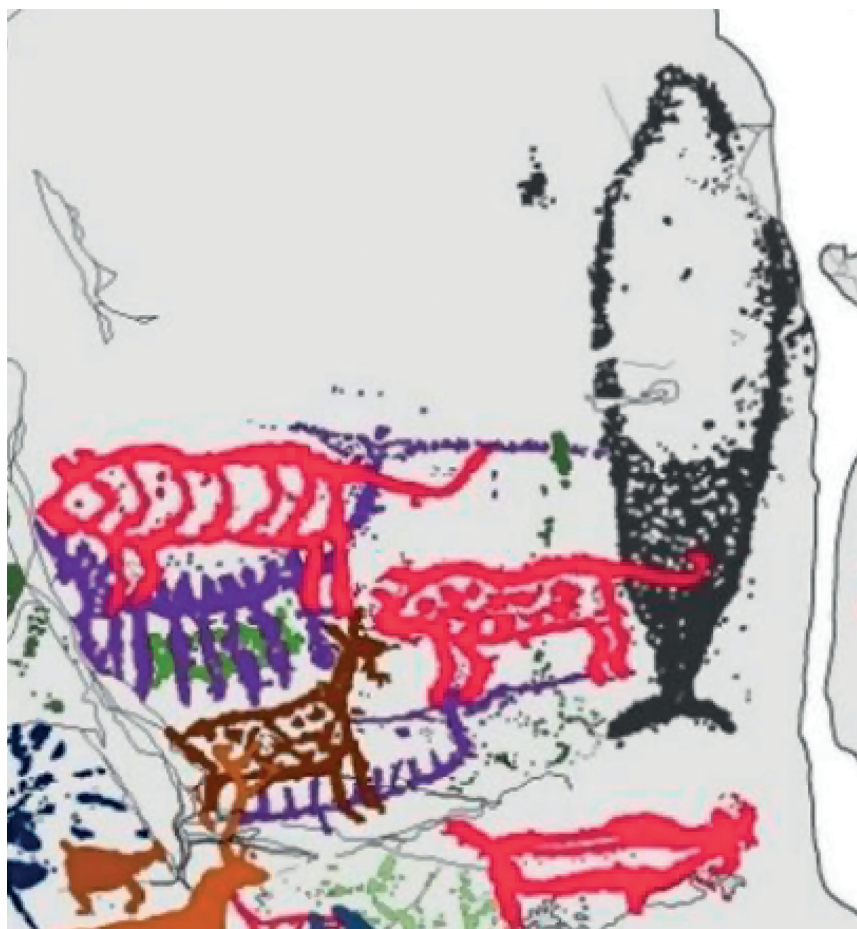

Рис. 2. Нанайцы. Превращение тигра в человека.
Художник Ольга Бельды. Фото В.В. Подмаскина, 2015 г.

Почитание тигра с древних времён также известно в Приморье и Приамурье. На петроглифах нанайского села Сакачи-Алян в Хабаровском крае есть изображения, напоминающие это животное: тот же ромб на лбу, пламевидный узор на щеках, глаза — концентрические круги. Изображение зверя есть и на

Рис. 3. Тигры и кит. Наскальные рисунки, фрагмент. Южная Корея.
Источник: [7]

скалах р. Кии в Хабаровском крае. Петроглифы на р. Амур и Кия датируются II — началом I тыс. до н.э. [6, с. 88—89]. Наскальные рисунки с изображением тигров сохранились в Бангудэ (Южная Корея) (рис. 3) [7, с. 178]. Не исключено, что в этих местах совершались древние обряды, включающие жертвоприношения.

Вместе с тем существовало мнение, что если тигр нападет на людей, то, вероятно, они были грешны и должны пройти стадии очищения, начиная с желудка «духа — хозяина гор». У коренных народов Нижнего

Амура и Сахалина охота на тигра была под запретом. Иногда тигр убивал человека, тогда полагалась месть, обычно хищника-убийцу преследовали родственники погибшего [8, с. 30]. Если зверя не удавалось настичь, то изготавливали чучело из травы, которое протыкали копьём, этим ритуалом месть завершалась [9, с. 119]. Если зверь был особенно дерзок и умерщвлял людей регулярно, шаманский обычай предписывал принести в жертву человека. Обречённого привязывали к дереву у тигровой тропы; если это был ребёнок, его пеленали. После того как зверь принимал жертву и съедал её, дерево считалось священным. Охотники, проходя мимо, вешали на сучьях и ветвях лоскутки своей одежды [10, с. 16—17]. Изображение тигра обнаружено на саркофаге-колоде у алтайцев скифского времени [11, с. 47], у древних китайцев на погребальных рельефах II в. до н.э. — II в. н.э. (эпоха Хань), выступавших хранителями могил [12, с. 44], на корейских гробницах периода Когурё (12 г. до н.э. — 668 г. н.э.). В декоративном искусстве чжурчжэней встречаются железные сбруйные пряжки в виде стилизованных голов тигра с маленькими круглыми ушками. Эти изделия использовались не только по своему прямому назначению, но од-

новременно и в качестве своеобразных амулетов [13, с.146]. Реалистические скульптуры, «глазковый» орнамент в форме парных спиралей, поперечные чёрные полосы по бокам гроба — характерные символы тигра, применялись в шаманском погребальном обряде удэгейцев рода Пианка [ист. 2. ПГОМ, колл. № 19922/11].

Данное животное пользовалось особым уважением, почиталось как царь зверей. Его когти носили в качестве амулета, по поверью, он предохранял от дурного глаза. Считалось, что кости пальцев передней лапы тигра приносили удачу во всяком деле, а засушенный глаз помогал видеть то, что скрыто от взора человека. Амулет из свёрнутых в кольцо шерстинок тигра давал мужчине неограниченную власть над женщинами. Многие нанайцы старшего поколения до сих пор не утратили веру в силу данных предметов. Амулетами служили также зубы, миниатюрные скульптуры в виде двух тигров. По представлениям удэгейцев и нанайцев, они защищали человека от разных болезней, а также помогали охотнику избежать нападений, ранений и укусов хищников [14, с.197]. У ороков амулет от чумы *нэчэ* состоял из скульптуры человечка, тигра и когтя птицы; миниатюрная скульптура в виде тигра (пантеры) *ырыхы* служила оберегом от разных болезней [ист. 3]. Китайская традиционная медицина приписывает различным частям тела тигра чудодейственную силу [15, с.15—16].

Древние охотники заметили, что все звери обладают «разумными повадками и навыками труда» и наделены своеобразной «речью» (звуковыми сигналами). А некоторые, такие как тигр, леопард, медведь, даже превосходили человека в ловкости, силе и порой были более удачливыми в охоте. Сохранился мифологический рассказ о том, как часть негидальского рода Насихагил породнилась с тигром для помощи в охотничьем промысле. Дух — хозяин тайги, по мнению охотников, добывал зверей и оставлял их на своих следах для людей-родственников [16, с.162]. Нанайцы рода Актенка и некоторые подразделения родов Бельды, Киле, удэгейцы Пианка и орочи Ёминка считали тигра своим предком [14, с.196]. В подтверждение этой информации приводился тот факт, что только члены рода Ёминка имели право поедать убитых тигром животных [17, с.851]. В наши дни такие представления можно рассматривать и как устную память о родстве с животными соответствующих подразделений этноса. В честь тигра нанайцы словосочетанием *Пурэн амбани* называли третий год в двенадцатилетнем животном цикле (год Тигра по китайскому

календарю). Они обнаружили, что, когда на ночном небе появлялась звезда *Амба осикта* (Звезда тигра), хищники выходили на охоту. Человек и тигр ужинают в одно и то же время. Из примера следует, что, вероятно, в древности у человека возникла идея необходимости упорядочения земного и небесного мира на основе сопоставления общих явлений.

Тигру и медведю приписывалась способность «всё видеть и слышать», поэтому нельзя сказать «убью» или «иду на охоту». Эвфемистические обозначения тигра характерны для всех народов Нижнего Амура. Негидальцы называли его *бита аминты* (наш отец). Удэгейцы именовали этого хищника *одо мафани* (старик), орочи — *амимпи* (наш общий отец). Видовое название зверя у тумнинских орочей — *амба*, самку они называли *ася*, самца — *одё*, тигрёнка — *сита*. Нанайское название этого зверя — *пурэн амбани* (злой дух тайги) [ист. 4, с. 36], *сагди най* (старый человек), *морген мафа* (богатый старик). Они верили, что, если тигра назвать настоящим именем, он может прийти к человеку в гости.

Орочи, ульчи и роки этого хищника обозначали термином *дусэ* [ист. 5, с. 226]. Это слово не поддаётся этимологическому анализу на основе тунгусо-маньчжурских языков. Оно и было, вероятно, первым наименованием зверя как представителя животного царства Приморья и Приамурья. Нанайцы до настоящего времени так называют фетиши в виде тигра.

Тигр у удэгейцев называется *кути*. По мнению учёных, слово *кут* (душа) образовалось в древнетюркских диалектах и распространилось на соседние языки, ибо именно в тюркских можно найти наиболее древние исходные фонетические варианты. Например, алтайское *кут* — душа, кетское *кут* — дух-помощник шамана, якутское *буор-кут* — дух, душа земли [18, с. 36]. У нанайцев *кути кан* — тигрёнок, сосунок. Выявляется сходство с хеттским *кати*, *кади* — кошка [19, с. 88].

У нанайцев зафиксированы такие наименования тигра, как *мари*, *аламарс*, *алапарс*, *албарс*, что соотносится с алтайско-шорским мифологическим образом кошачьих, изображавшихся на рукоятке шаманского бубна [18, с. 16]. У монголов слова *бар*, *барс*, *барун*, *барин*, *албарс* (тигр, барс) обозначают сказочное существо. На р. Сунгари тигра именовали *ноёнъ*, т.е. господин, и его не только боялись, но боготворили и говорили о нём с особым уважением [16, с. 102, 135]. Солоны называли хищника *тасах*, *талган*, чжурчжэни — *тахсихах*, японцы — *тора* (хотя известно, что в Японии этот зверь не водится), айны — *иваясарусне*. В маньчжурском языке число наименований тигра доходит

до восьми: *бэду, мухан, мусха, тасха, тарфу, шусха, уту, ярха*. При этом имеет место выделение лексическими средствами возрастных категорий: *тарган* (годовалый тигрёнок), *шурган* (трёхлетний тигрёнок) и т.д. [20, с. 160].

У нанайцев (как у маньчжуров и китайцев) хозяин тигров мог выступать в образе седого старика в богатой одежде [21, с. 297]. У орочей хозяева тигров *Дусэ эзени* описывались как антропоморфные божества: старик и старуха, обитающие на тигровой половине лунной земли. Эта чета представлялась хозяевами всех зверей, кроме медведей; в их распоряжении находились души животных, которые по мере надобности сбрасывались на землю. Согласно ороческим воззрениям, старик *буа* — тигр, принявший человеческий облик. От него целиком зависело, будут ли попадаться звери в ловушки охотника. *Дусэ эзени* служил духом-помощником шамана. На небесной земле находилось тигриное море *дусэ намуни* [5, с. 32—35].

Удэгейцы причисляли тигра к пантеону «горных духов» с хозяевами зверей — *Куты азани* и *Тагу мама* (она же хозяйка огня). Вероятно, представление о горных жителях основано на точном наблюдении, связанном с привычкой хищника выводить потомство и умирать в определённых районах горного хребта Сихотэ-Алиня [ист. 6, с. 216]. Подтверждением данного факта может служить и ульчское предание о проживании тигра в священных горных пещерах [22, с. 210]. Согласно записям Б.О. Пилсудского, у ороков хозяин всех зверей — «горный человек» *Мыргыды* (от *марха* — барс) — представлен в образе тигра. Хозяин тигров *Дуссы* одновременно считался хозяином медведей — богом высоких гор [23, с. 14]. Подобные легенды известны нанайцам и орочам.

Тигр и леопард выполняли одну из ключевых ролей в культовой скульптуре нивхских, удэгейских, нанайских, ороческих и орокских шаманов [24, с. 44, 45, 72, 119, 161, 167, 218]. Часто ритуальными предметами служили скульптурки мужчин, сидящих на тигре или леопарде. Встречаются фетиши хищных зверей без всадника. В культовой практике ороков отмечен тигр с рогами, у удэгейцев, ульчей и нивхов — с крыльями [ист. 7, с. 42—43]. Крылатый тигр — символ на знамёнах и значках корейских войск. Одарённый необыкновенной силой, он летал и метал молнии из пасти [25, с. 181].

Дух тигра или леопарда во время камлания вселялся в шамана и летал, как птица, плавал, как рыба. У эвенков-орочонов шаманский дух-помощник также выступал в образе тигра, помогал при исцелении людей [26, с. 69]. Изображение

крылатого тигра нивхи, удэгейцы, нанайцы и другие этносы применяли в лечебной магии. Присутствие изображений тигра или барса в доме, в непосредственной близости от больного, якобы «вынуждало» духов болезней покинуть тело человека и избавить его от недуга. У нанайцев, орочей и якутов фетиши тигра наделялись божественной силой, способной оказать помощь на охоте и в излечивании людей [27, с. 12—14]. Тигр считался полезным хищником — «хозяином» тайги, загонявшим промысловых животных в район охоты.

С животным миром у нанайцев и удэгейцев был связан календарь с двенадцатью циклами [28, с. 513—514]. Бикинские удэгейцы при помощи этого календаря отсчитывали крупные отрезки времени. Цикл начинался фигурой мыши *синга*, за которой следовал бык *уа*, тигр *кути*, заяц *тукса*, дракон *мудули*, змея *кулига*, лошадь *муи*, баран *уанга*, обезьяна *хеузе*, курица *нау*, собака *инаи*, свинья *накта*. По утверждению удэгейцев, некоторые из перечисленных животных заменялись медведем, волком и черепахой.

Нанайцам было известно исчисление возраста человека по схеме 60-летнего цикла китайского календаря. В каждом 60-летнем цикле одно и то же животное встречается пять раз с промежутками в двенадцать лет, для уточнения года внутри цикла пользовались дополнительно цветовой символикой, каждый год имел присущее только ему условное сочетание. Например, год тигра (3, 15, 27, 39, 51) именуется следующим образом: 3 — красный тигр, 15 — жёлтый, 27 — белый, 39 — чёрный, 51 — зелёный. По свидетельству археологических матери-

Рис. 4. Чжурчжэни (1160—1203 гг.). Металлическое зеркало-календарь с изображением тигра и животных. Фото Ю. Васильева

алов, чжурчжэни также вели летоисчисление по календарю с двенадцатилетним животным циклом. Животные стали символами месяцев и годов, амулетами и покровителями своих хозяев [29, с. 148]. Данный календарь распространён очень широко — от Японии до Поволжья, от Кавказа до Индокитая (рис. 4). «Животный цикл» до сих пор переплетается с пережитками тотемизма у некоторых народов Сибири. Пережитки эти выра-

жались в признании определённой связи человека с животным, именем которого назывался год его рождения.

Древние народы Азии, Европы и Америки знали эклиптику солнца и различали двенадцать зодиакальных созвездий. Календарь двенадцатилетнего животного цикла зародился у кочевых скотоводческих народов Центральной Азии. В его основу положен период обращения Юпитера вокруг Солнца. Этот период был равен примерно двенадцати годам.

С древними представлениями о тигре связано много мифологических сюжетов. Они, как считал Л.Я. Штернберг, наиболее разработанные и богатые деталями у тунгусо-маньчжуров, могут считаться общим достоянием этносов Приамурского края. Мифологические рассказы о тигре, распространённые у нанайцев и орочей, были заимствованы нивхами. Последние относят тигров *клунд* к особой породе людей, называют их «люди-тигры» или «лесные люди» [30, с. 201—215]. Согласно нивхским мифам, их женщины и юноши вступали в брак с тигром и другими зверями, являвшимися в образе лесных людей. У них каждый зверь — настоящее человекоподобное существо, так же одарённое разумом и силой [31, с. 214, 216].

Нивхи отмечали два вида хищников. Первый — *чхорамланд* — благодетельное существо, хозяин гор, посылающий человеку в добычу лесных зверей. Он никогда не нападает на людей и, наоборот, всячески им покровительствует, за что ему поклоняются. По облику и образу жизни он настоящий человек, облачающийся временами в шкуру тигра.

Другой вид — *милкнга* — причисляли к разряду самых страшных *милков* (демонов, злых духов), весьма губительных для людей. По размерам он будто бы меньше кошки, ходит то на трёх, то на двух, то на одном пальце, может убить на расстоянии. Чаще всего представители этого вида передвигаются стаями. Они грызли корни дерева, если на нём спасался человек. Чтобы сохранить жизнь, он вскрывал ножом вены, и кровь заставляла зверей драться насмерть [30, с. 205]. Удэгейцы называли подобных хищников *загу* (красные волки) и считали, что они обладали огромной силой. Схватив «лося за бедро», маленький зверёк мог затащить его на дерево. Уйльта (ороки) также упоминали о столкновении с животными, которых называли *залгури* — красные волки. Эти кровожадные звери охотились большими стаями; если они начинали лаять, то человек мгновенно терял сознание [32, с. 130]. Возможно, здесь описывается вымершее животное Приморья и Приамурья. Общее

представление удэгейцев и уйльта (ороков) о «красных волках» характеризует древние историко-культурные связи этих народов. Вероятно, здесь представлены мифологические вампиры-хищники — «собаки» тигра.

Дяргули (родственное *залгури*) — ещё одно наименование зловредных духов, о которых запрещалось говорить в тёмное время суток, ибо это станет сигналом для их массового появления. Спастись от них можно только за водной преградой или на высоком помосте. А.М. Певнов проанализировал сходство чжурчжэньского *чжа-лу-у*, означающего «шакал», или «красный волк», и тунгусо-маньчжурских *дяггу*, *дяргул*, *дяргули* и пришёл к выводу, что термин попал к тунгусо-маньчжурам из древнеиндийского языка [33, с. 134—144].

В нивхском эпосе есть заимствованные от тунгусо-маньчжурских соседей рассказы о браке человека и тигра [30, с. 203—204]. У нанайцев в результате союза с тигром у девушки рождается сын, невестой которого становится девушка из рода Заксор. От их брака родилось девять мальчиков [ист. 7, с. 156—157]. Во время сожительства орочской женщины из рода Ёминка (по мужу) с тигром родился слепой тигроподобный ребёнок [ист. 8, с. 219]. Л.Я. Штернберг кратко излагает два варианта мифа о союзе нанайской женщины с тигром, от которого произошёл нанайский род Бельды [34, с. 501]. Существовало представление, что тигр в любое время может превратиться в человека (рис. 2). Также он является в виде птицы или другого животного. Древним корейцам известны мифы о тигре и медведице, мечтающих стать людьми [8, с. 9]. Китайская богиня *Си Ван Му*, повелительница Запада, плодовитости и бессмертия, наделялась тигроморфными чертами.

Тигр у тунгусо-маньчжуров и нивхов считался священным животным, запрещалось даже говорить о нём, поскольку люди верили, что он понимает их речь. Признавая превосходство зверя в силе и хитрости, охотники возвели его в ранг сверхъестественного существа, одарённого мудростью и другими человеческими и божественными качествами. Под влиянием страха и суеверий они создали культ тигра [28, с. 123].

Для большинства тунгусо-маньчжуров он не являлся объектом охоты, но, по данным Н.М. Пржевальского, нанайцы и удэгейцы Южно-Уссурийского края для укрепления храброго духа иногда ели его мясо [35, с. 235]. Однако это было скорее исключение из общего правила. Считалось грехом не только убивать тигра, но и топтать его след. Ороч, наткнувшись на такой след,

чтобы избавиться себя от неприятностей, бросал на него огниво и трут. Удэгеец, обнаружив в тайге отпечатки лап хищника, отсчитывал семь его следов, становился на колени и просил зверя послать к охотнику промысловое животное [28, с. 123]. Многие китайцы и маньчжуры также боялись следов тигра и, когда случайно обнаруживали их, кланялись им, клали на тропинку умиловительную жертву в виде обрывка одежды, мелкой монеты или хлебных зёрен [10, с. 16].

По словам ороческих охотников, кто убьёт тигра, того съест другой тигр. Однако можно было убить хищника, угрожавшего жизни человека. В этом случае «страшный зверь самовольно ушёл от своего хозяина... он не подчиняется ему и потому убой его не ляжет тяжким грехом на них» [ист. 8, с. 230—231]. Тигра хоронили как человека, не допускали над ним кощунства. Его клали в сруб и рядом ставили знак в виде двух колец со стружками, свидетельствующий, что это место для охотника запрещено.

Если тигр задрал собаку и напал на охотника, орочи этого зверя уничтожали, считали, что он сумасшедший, брошенный своим хозяином. Хоронили тигра в одежде. На него надевали халат, штаны, обувь, рукавицы, шапку. Делали амбар на сваях, туда клали тушу зверя. Ежегодно ороч, убивший тигра, приходил туда перед сезоном охоты, молился, просил удачного промысла. Там же он убивал собаку в дар тигру. Это место называлось *хумо* — могила тигра [22, с. 212]. Орочи верили, что душа мёртвого тигра уходит в загробный мир *дусэ дуэнтэни* по особой тигровой тропе [ист. 6, с. 123].

Самаргинским удэгейцам запрещалось употреблять в пищу мясо тигра и снимать с него шкуру — как правило, тушу расчленили и сжигали. Если не соблюдались обычаи и обряды, душа умершего предка — *каксампа* — могла являться в виде тигра и приносить людям зло. В этом случае она была подвластна только шаману [24, с. 123]. Ульчи, обнаружив убитого хищника, опускались перед ним на колени и оплакивали как близкого родственника. Нанаец, случайно убивший тигра, должен был принести жертву в присутствии рода, ведущего своё происхождение от этого зверя [22, с. 211—212]. Как было сказано ранее, негидальцы называли тигра *аминти* — «отец наш». Когда их охотники находили убитое тигром животное, его мясо не ели. Шкуру и кости хоронили в специальном срубе. Для женщины существовал запрет наступать на след тигра, в противном случае она могла умереть [36, с. 121].

У нанайцев имел хождение миф об осиротевших тигрятах, выращенных человеком. Впоследствии они помогают охотнику

добывать много дичи и становятся покровителями семьи. В нанайском, негидальском, ульчском и ороческом фольклоре распространены сюжеты о помощи людей тигру, есть они также у эвенков и кетов. Нивхам известен рассказ о том, как однажды к жилищу охотника с занозой в лапе пришёл этот зверь. Человек вынул занозу, смазал рану древесной смолой. Благодарный хищник одарил его богатой добычей [30, с. 205].

В ульчской мифологии творцом тайги является тигр, воды — прародительница-рыба. Их потомство маркирует сферу неба и земли: солнце — тигр, небо — дракон-змей, гора — барс [4, с. 170]. Таким образом, барс/леопард представлен как прямой потомок тигра.

Нанайцы и удэгейцы сохранили разнообразную информацию о дальневосточном леопарде. Известно, что этот зверь распространён в южной половине Азии и на большей части Африканского континента. Ареал его дальневосточного подвида занимает обширные районы Северо-Восточного Китая, Корейского полуострова и южных районов Приморья. Водится леопард на указанной территории со времён верхнего плейстоцена. Некоторые исследователи предполагают, что ареал дальневосточного подвида леопарда в Китае, возможно, в прошлом доходил на юге до Пекина [37, с. 32]. По рассказам коренных жителей Нижнего Амура, этот хищник раньше встречался вдоль течения р. Амур до побережья Японского и Охотского морей и далее — на о. Сахалин [16, с. 208]. По данным удэгейской топонимики, леопард обитал в бассейне р. Самарги. На её притоке — *Ягаму* — он выводил своё потомство в пещере.

Нанайцы заметили, что леопард слабее тигра, но хитрее. Обычно во время борьбы он остаётся победителем. Тигр на него не нападает, старается обойти стороной. Человека леопард не трогает. Н.М. Пржевальский предполагал, что, возможно, удэгейцы и нанайцы почитали этого зверя, как и тигра [35, с. 241], однако Л.Я. Штернберг отметил, что культ леопарда не получил у них такого развития, как культ тигра [34, с. 502].

В удэгейском языке леопард обозначается словом *яага/яга*, в нанайском — *ярга*, в маньчжурском — *ярга/ярха*. Ещё К. Маак у уссурийских нанайцев отметил название барса *тьрга* [16, с. 112]. Возможно, эти слова имеют этимологическую связь с термином *ягуар*, которым обозначается группа крупных кошек в фауне Северной и Южной Америки. В религиозных практиках индейцев доколумбовой Америки могущественный ягуар являлся объектом поклонения и почитания. На человеческих лицах делали татуировки масок ягуара. На ольмекском саркофаге

найжены серьги в виде его зубов. На поверхности главного алтаря в городе Ла-Ванте (Перу) обнаружена вытесанная из камня шкура ягуара. На одной из каменных скульптур изображён половой акт женщины с этим зверем. Именно от такого контакта человека с божественным животным, согласно культовым представлениям, родились полулюди-полубоги, древнеамериканские герои-ольмеки. Всё это дало основание чешскому американисту Милославу Стинглу называть ольмеков «люди-ягуары» [38, с. 34]. Алтайцам скифского времени леопард был также хорошо известен: изделия из его меха найдены в Пазырыкских курганах [11, с. 194].

Леопард — постоянный спутник тигра. Он пожирает остатки его добычи. Деревянные культовые скульптуры барса предназначались для вселения в них духов болезней. П.П. Шимкевич отметил, что нанайцы по просьбе шамана изготавливали для больных при сильном жаре, простуде, болях в пояснице, суставах и брюшном тифе скульптуру пантеры (чёрного леопарда) *ярга* [39, с. 40]. У ороков тигр и пантера — *ырхы* — служили оберегами от разных заболеваний. Удэгейцы вырезали фигурки барса на шаманских столбах *ту*. Манегры (одно из подразделений эвенкийского этноса) помощником шамана считали духа грома *агди*, которого по ассоциации связывали с тигром или барсом [40, с. 107].

Таким образом, древние представления о тигре и леопарде у многих народов Азиатско-Тихоокеанского региона содержат обширный исторический и этнографический материал, характеризующий развитие раннего тотемизма, связанного с мифологией и шаманством. Тигр и леопард вошли в пантеон божеств. Одновременно они стали оберегами. У аборигенов Приморья и Приамурья в прошлом тигр — обычная родовая фигура, сохранились древние представления о генетической связи между человеком и животными (тигр, леопард, медведь). В образах соединились не только реальные признаки, но и характеристики других животных, отличающихся агрессивностью и раздражительностью: змей, крокодилов, а также, возможно, доисторических зверей. По-видимому, мы наблюдаем контаминацию черт различных животных, восходящих к общему древнему архетипу. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что представления о дальневосточных «больших кошках» дополнены данными «неместной» традиции. Древние представления о тигре и леопарде стали фундаментом формирования религиозных воззрений и мифологии народов Азиатско-Тихоокеанского региона.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Тайлор Э.Б. *Первобытная культура*. М., Политиздат, 1989, 573 с.
Tylor E.B. *Primitive Culture*. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 573 p. (In Russ.)
2. Sun Xin et al. Ancient DNA Reveals Genetic Admixture in China during Tiger Evolution. *Nat Ecol Evol* 7, 1914—1929 (2023). DOI: 10.1038/s41559-023-02185-8. (In Eng.)
3. Грубе В. *Духовная культура Китая: литература, религия, культура*. СПб., Брокгауз-Ефрон, 1912, 237 с.
Grube V. *The Spiritual Culture of China: Literature, Religion, Culture*. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1912, 237 p. (In Russ.)
4. Золотарёв А.М. *Родовой строй и религия ульчей*. Хабаровск, Дальгиз, 1939, 202 с.
Zolotaryov A.M. *The Tribal System and Religion of the Ulchi*. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1939, 202 p. (In Russ.)
5. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. *Орочские тексты и словарь*. Л., Наука, 1978, 264 с.
Avrorin V.A., Lebedeva E.P. *Oroch Texts and Dictionary*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 264 p. (In Russ.)
6. Окладников А.П. *Петроглифы Нижнего Амура*. Л., Наука, 1971, 335 с.
Okladnikov A.P. *Petroglyphs of the Lower Amur*. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 335 p. (In Russ.)
7. Пак Сонхён. Петроглифы с изображением китов в Пегтымеле и Бангудэ в Северо-Восточной Азии: гипотезы о мобильности доисторических групп китобоев. *Материалы Международного археологического симпозиума им. Н.Н. Дикова (к 100-летию со дня рождения)*, г. Магадан, 29 сентября — 2 октября 2025 г. Магадан, 2025, с.177—183.
Park Sung Hyun. Petroglyphs Depicting Whales in Pegtimely and Bangude in Northeast Asia: Hypotheses on the Mobility of Prehistoric Groups of Whalers. *Proceedings of the International Archaeological Symposium Named after N.N. Dikov (on the 100th Anniversary of His Birth)*. Magadan, September 29 — October 2, 2025, Magadan, September 29 — October 2, 2025. Magadan, 2025, pp.177—183. (In Russ.)
8. Подмаскин В.В. *Духовная культура удэгейцев XIX—XX вв. Историко-этнографические очерки*. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 1991, 160 с.
Podmaskin V.V. *The Spiritual Culture of the Udege People from the 19th to the 20th Centuries. Historical and Ethnographic Essays*. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1991, 160 p. (In Russ.)
9. Старцев А.Ф. Погребальная обрядность удэгейцев. *Культура Дальнего Востока XIX—XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Е. Фетисова*. Владивосток, Дальнаука, 1992, с. 113—122.
Startsev A.F. Funeral Rituals of the Udege People. *Culture of the Far East from the 19th to the 20th Centuries: Collection of Scientific Papers*. Ed. by L.E. Fetisova. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1992, pp. 113—122. (In Russ.)
10. Байков Н.А. Маньчжурский тигр. *Вестник Маньчжурии*, 1925, № 1—2, с. 1—17.
Baykov N.A. The Manchurian Tiger. *Vestnik Man'chzhurii*, 1925, No 1—2, pp.1—17. (In Russ.)
11. Руденко С.И. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Л., Изд-во АН СССР, 1960, 359 с.

- Rudenko S.I. *Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Period*. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960, 359 p. (In Russ.)
12. Яншина Э.М. *Формирование и развитие древнекитайской мифологии*. М., Наука, 1984, 248 с.
Yanshina E.M. *Formation and Development of Ancient Chinese Mythology*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russ.)
 13. Гусева Л.Н., Шавкунов Э.В. О происхождении одного орнаментального мотива у чжурчженей. *Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР*. Владивосток, ДВНЦ АН СССР, 1976, с. 143—146.
Guseva L.N., Shavkunov E.V. On the Origin of an Ornamental Motif among the Jurchens. *The Recent Archaeological Research in the Far East of the USSR*. Vladivostok, DVNTs AN SSSR Publ., 1976, pp. 143—146. (In Russ.)
 14. Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев. *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.)*. Л., Наука, 1976, с. 189—203.
Kiele N.B. Vocabulary Related to the Religious Beliefs of the Nanai People. *Nature and Man in the Religious Beliefs of the Peoples of Siberia and the North (the Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 189—203. (In Russ.)
 15. Хасанова М., Певнов А. *Мифы и сказки негидальцев: исследование по тунгусоведению*. Киото, 2003, 297 с.
Khasanova M., Pevnov A. *Myths and Fairy Tales Negidaltsev: A Study on Tungusic Studies*. Kyoto, 2003, 297 p. (In Russ.)
 16. Маак Р.К. *Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году*. СПб., 1859, 212 с.
Maak R.K. *A Journey to the Amur River, Made by Order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855*. St. Petersburg, 1859, 212 p. (In Russ.)
 17. *Народы Сибири* / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956, 1084 с.
The Peoples of Siberia. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956, 1084 p. (In Russ.)
 18. Ахметьянов Р.Г. *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья*. М., Наука, 1981, 144 с.
Akhmetyanov R.G. *General Vocabulary of Spiritual Culture of the Peoples of the Middle Volga Region*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 144 p.
 19. Маковский М.М. *Язык — миф — культура: символы жизни и жизнь символов*. М., Русские словари, 1996, 330 с.
Makovsky M.M. *Language — Myth — Culture: Symbols of Life and the Life of Symbols*. Moscow, Russkiye slovary Publ., 1996, 330 p. (In Russ.)
 20. Щербак А.М. *Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Материалы развития лексики тюркских языков*. М., АН СССР, 1961, с. 3—161.
Shcherbak A.M. *Names of Domestic and Wild Animals in the Turkic Languages. Materials for the Development of the Vocabulary of the Turkic Languages*. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 3—161. (In Russ.)
 21. Лопатин И.А. *Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования*. Владивосток, 1922, 370 с.
Lopatin I.A. *Amur, Ussuri and Sungari Golds: Experience of Ethnographic Research*. Vladivostok, 1922, 370 p. (In Russ.)

22. Березницкий С.В. *Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона*. Владивосток, Дальнаука, 2003, 486 с.
Bereznitskiy S.V. *Ethnic Components of Beliefs and Rituals of Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 486 p. (In Russ.)
23. Пилсудский Б.О. *Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.* Южно-Сахалинск, ИМГиГ, 1989, 76 с.
Pilsudsky B.O. *From a Trip to the Oroks of Sakhalin Island in 1904*. Yuzhno-Sakhalinsk, IMGiG Publ., 1989, 76 p. (In Russ.)
24. Подмаскин В.В. *Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России*. Владивосток, Дальнаука, 2013, 248 с.
Podmaskin V.V. *Mythological Dictionary: Indigenous Small Peoples of the Russian Far East*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 248 p. (In Russ.)
25. Джарылгасинова Р.Ш. *Этногенез и этническая история корейцев: по данным эпиграфики («стела квангэтно-вана»)*. М., Наука, 1979, 182 с.
Dzharylgasinoва R.Sh. *Ethnogenesis and Ethnic History of Koreans: Based on Epigraphy ("Stele of Gwangetho-Wan")*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 182 p. (In Russ.)
26. Мазин А.И. *Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.)*. Новосибирск, Наука, 1984, 201 с.
Mazin A.I. *Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Orochons (Late 19th — the Early 20th Centuries)*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russ.)
27. Зеленин Д.К. *Кульм онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов*. М.; Л., Изд-во Акад. наук СССР; Коминтерн, 1936, 436 с.
Zelenin D.K. *The Cult of Ongons in Siberia: Remnants of Totemism in the Ideology of the Siberian Peoples*. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR; Comintern Publ., 1936, 436 p. (In Russ.)
28. Подмаскин В.В. *Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории*. Владивосток, Дальнаука, 2006, 539 с.
Podmaskin V.V. *Folk Knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: Problems of Ethnogenesis and Ethnic History*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 539 p. (In Russ.)
29. Васильева Т.А. *Пережитки тотемизма чжурчжэней. Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР*. Владивосток, 1976, с. 147—151.
Vasilyeva T.A. *Remnants of Jurchen Totemism. The Recent Archaeological Research in the Far East of the USSR*. Vladivostok, 1976, pp. 147—151. (In Russ.)
30. Штернберг Л.Я. *Материалы по изучению гилицкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом*. СПб., 1908, т. 1, ч. 1, 232 с.
Sternberg L.Ya. *Materials on the Study of the Gilyak Language and Folklore, Collected and Processed by L.Ya. Sternberg*. St. Petersburg, 1908, vol. 1, part 1, 232 p. (In Russ.)
31. Таксами Ч.М. *Представления о природе и человеке у нивхов. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*

- (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. И.С. Вдовин. Л., Наука, 1976, с. 203—216.
- Taksami Ch.M. Ideas about Nature and Man among the Nivkhs. *Nature and Man in the Religious Beliefs of the Peoples of Siberia and the North (the Second Half of the 19th — the Early 20th Centuries)*. Ed. by I.S. Vdovin. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 203—216. (In Russ.)
32. Петрова Т.И. *Язык ороков (уйльта)*. Л., Наука, 1967, 156 с.
Petrova T.I. *The Orok (Uilta) Language*. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 156 p. (In Russ.)
33. Певнов А.М. К реконструкции чжурчжэньского языка (конечные согласные). *Вопросы археологии ДВ СССР*: сб. науч. тр. Владивосток, ДВО АН СССР, 1987, с. 134—144.
Pevnov A.M. Towards the Reconstruction of the Jurchen Language (Final Consonants). *Questions of Archaeology of the Far East of the USSR: Collection of Scientific Works*. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1987, pp. 134—144. (In Russ.)
34. Штернберг Л.Я. *Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны*: статьи и материалы под ред. и с предисл. Я.П. Алькор (Кошкина). Хабаровск, Дальгиз, 1933, 740 с.
Sternberg L.Ya. *Gilyaks, Orochi, Golds, Negidals, Ainu*: Articles and materials ed. by and with a preface by Ya.P. Alkor (Koshkina). Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
35. Пржевальский Н.М. *Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869 гг.* СПб., 1870, 345 с.
Przhevalsky N.M. *Journey to the Ussuri Region, 1867—1869*. St. Petersburg, 1870, 345 p. (In Russ.)
36. Цинциус В.И. *Негидальский язык: исследования и материалы*. Л., Наука, 1982, 311 с.
Zincius V.I. *Negidal Language: Research and Materials*. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 311 p. (In Russ.)
37. Пикунов Д.Г., Коркишко В.Г. *Леопард Дальнего Востока*. М., Наука, 1992, 192 с.
Pikunov D.G., Korkishko V.G. *The Leopard of the Far East*. Moscow, Nauka Publ., 1992, 192 p. (In Russ.)
38. Стингл М. *Поклоняющиеся звёздам: по следам исчезнувших перуанских государств* / пер. с чешского В.А. Каменской, О.М. Малевича. М., Прогресс, 1983, 554 с.
Stingle M. *Worshippers of the Stars: In the Footsteps of the Vanished Peruvian States*. Transl. from Czech by V.A. Kamenskaya, O.M. Malevich. Moscow, Progress Publ., 1983, 554 p. (In Russ.)
39. Шимкевич П.П. *Материалы для изучения шаманства у гольдов*. Хабаровск, Типография канцелярии Приамурского Генерал-губернатора, 1896, 134 с.
Shimkevich P.P. *Materials for the Study of Shamanism among the Golds*. Khabarovsk, Tipografiya kantselyarii Priamurskogo General-gubernatora Publ., 1896, 134 p. (In Russ.)
40. Сем Т.Ю. Традиционный этнографический комплекс манегров (конец XIX — начало XX в.). *Субэтносы в СССР*. Л., ГМЭ, 1986, с. 92—109.
Sem T.Yu. The Traditional Ethnographic Complex of the Manegres (the Late 19th — the Early 20th Century). *Subethnoses in the USSR*. Leningrad, GME Publ., 1986, pp. 92—109.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Корейские предания и легенды из средневековых книг* / пер. с ханмуна; сост. и коммент. Л. Концевича. М., Худож. лит., 1980, 286 с.
Korean Legends and Tales from Medieval Books. Translated from Hanmun; compl. and a comment by L. Kontsevich. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1980, 286 p.
2. ПГОМ (Приморский государственный объединённый музей, г. Владивосток).
3. Вязовская В.В. *Научный каталог этнографических коллекций Сахалинского краеведческого музея (поступления 1960—1973 гг.)*. Южно-Сахалинск, 1975, 55 с.
Vyazovskaya V.V. Scientific Catalog of Ethnographic Collections of the Sakhalin Museum of Local Lore (Acquisitions 1960—1973). Yuzhno-Sakhalinsk, 1975, 55 p.
4. Оненко С.Н. *Нанайско-русский словарь*. М., Русский язык, 1980, 552 с.
Onenko S.N. Nanai-Russian Dictionary. Moscow, Russkiy yazyk Publ, 1980, 552 p.
5. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю в 2-х т.* Л., Наука, 1975, т. 1, 672 с.
Comparative Dictionary of the Tunguso-Manchurian Languages: Materials for an Etymological Dictionary in Two Volumes. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 1, 672 p.
6. Арсеньев В.К. *Сочинения*: в 6 т. Владивосток, Примиздат, 1947, т. 3, 283 с.
Arsenyev V.K. Collected Works: In Six Volumes. Vladivostok, Primizdat Publ., 1947, vol. 3, 283 p.
7. *Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания Музея советского изобразительного искусства г. Комсомольска-на-Амуре)*: каталог / сост. Т.А. Кубанова. Комсомольск-на-Амуре, 1992, 178 с.
Ritual Sculpture of Nanai People (from the Collection of the Museum of Soviet Fine Arts in Komsomolsk-on-Amur): catalog. Comp. by T.A. Kubanova. Komsomolsk-on-Amur, 1992, 178 p.
8. *Орочские сказки и мифы* / сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Новосибирск, Наука, 1966, 235 с.
Oroch Tales and Myths. Comp. by V.A. Avrorin, E.P. Lebedeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1966, 235 p.

Дата поступления в редакцию 24.03.2026